

ДИАЛОГ С САМИМ СОБОЙ

Тогда я не сумел ответить

Сергей ГОВОРУХИН

ВСЕ НАЧАЛОСЬ с программы «Ночной гость» на канале «Культура». Тогда я не сумел ответить ведущему, вероятно, потому, что многие ответы не лежат на поверхности сознания либо само сознание еще не готово к ответу.

Мы говорили о войне и нашем фильме «Прокляты и забыты» на ту самую щемящую военную тему. Уже тогда я приходил к выводу, что о войне невозможно говорить вскользь в рамках телепередачи или газетной полосы. Философия войны слишком непостижима и кровоточаща, чтобы касаться ее мимоходом. И потому разговор в студии шел напряженно, постоянно заходил в тупик, легковесные вопросы порождали такие же легковесные ответы.

Где-то за стеной в клубе «Up and Down» периодически включался перфоратор (в эти минуты приходилось останавливать съемку), и я поймал себя на мысли, что даже сюда, в студию канала «Культура» — последнее прибежище духовности, бесцеремонно вламывается новая жизнь, звуком перфоратора из элитного московского клуба.

— Верите ли вы в будущее России?

— Нет, — честно признался я.

Потому что не верю в будущее человечества. Оно утратило связь времен. Слово, скрипичный ключ, акварель на холсте растворяются в двадцатом столетии. Они остаются в прошлом — мы уходим вперед. Электронный щенок Тамагочи заменяет нам бродячих собак. Слово становится знаком, музыкальная нота — продукцией синтезатора, необходимые мысли заложены в компьютерную память. Человечество вступает в эру высоких технологий. Эру комфорта, расчета, мобильной связи, удобства передвижения. И все дальше и дальше остаются за иллюминаторами бизнес-класса сквозняки в разбитых стеклах телефона-автомата, треск керосиновой лампы, грифельные озера, прямоугольники писем, начинающих словами: «Дорогие Татьяна Львовна, Николай Васильевич, дети Анечка и Сашенька...»

Высокие технологии высвобождают уйму свободного времени, но мы, как ни парадоксально, не пытаемся углубиться в себя, вслушаться в звуки уходящего века, нет, мы мучительно ищем способ убить время. Оказывается, это совсем несложно. Все то, что когда-то называлось мировой культурой и владело умами и сердцами человечества, стало всего лишь сублимацией развлекательных жанров. Вместо литературы — беллетристика, вместо музыки — попса, вместо кино — игрушечные страсти звуковых этюдов.

Художники, державшие руку на пульсе нашей нравственности, больше не могут нащупать его. Иначе они не впишутся в размеренный темп новой жизни. Жизни без слез, стрессов, катаклизмов. Жизни, где все предусмотрено для человека, только не предусмотрен он сам.

Теперь вам никто не позволит трагического финала. Трагический финал оскорбляет право на заработанный столетиями досуг граждан. Все должно заканчиваться хорошо и счастливо. Добро побеждает зло. Люди делятся на плохих и хороших. Это не шутка, это догма, если хотите, философия современной культуры. Точнее, ее заменителя.

В Берлине я наблюдал, как выходили из кинотеатра заплаканные немцы. Не один, не два — сотни. Они шли с просмотра «Титаника». Мы пока еще не разделяем их слез. Крушение макетов и сонмы тонущих в бассейне статистов, слава Богу, еще не заставляют нас биться в истерику три с половиной часа. Пока еще нам ближе настоящее. Но это, поверьте, временно.

Много лет я пытаюсь ответить на один и тот же вопрос: что же случилось с нами? Когда пропало наше болевое ощущение? Какой коростой покрылись нервные окончания? Когда мы убили внутреннего цензора в самих себе и из великих мастеров превратились в великих стерилизаторов? И не нахожу ответа.

В 1894 году фабрикант Люмьер изобрел кинематограф, а годом позже в Париже на бульваре Капуцинов демонстрировался фильм «Прибытие поезда». Эффект был ошеломляющим — ломая стулья, зрители бросались вон из салона. В считанные месяцы была создана грандиозная киноимперия. И вдруг в 1898 году Люмьер оставляет кинематограф, прекращает деятельность фирмы и возвращается на фабрику фотографических изделий.

Что увидел Люмьер в надвигающейся эре кино? Может, он и был единственным философом современности? Кинематографический поезд Люмера совершил замкнутый круг. Пережив столетнюю эволюцию, поезд вернулся на станцию отправления. Выяснилось, что воздействовать на человеческие рефлексы гораздо проще и рентабельнее, чем пытаться экранизировать Евангелие. И мы вновь ломаем стулья...

Остальные жанры искусства претерпели значительно более сложные изменения, но, в конечном счете, пришли к тому же.

Почему «Утомленные солнцем» Михалкова пришли на смену его же «Родне»? Вероятно, потому же, почему Стивен Кинг пришел на смену Сэлинджеру.

Прагматизм не нуждается в философии. Его не интересуют внутренние мир. Ни свой, ни окружающих. По той простой причине, что он и не собирается туда заглядывать. Его интересует поступление денег на расчетный счет. И тогда в любое время суток он идет в свой банк, опирает его своим ключом и набирает на компьютере код лицевого счета. Вот, собственно, и все.

Мне можно возразить. И сказать, что я примитивизирую действительность. И привести убедительные примеры. Но общей картины это не изменит. Как ни печально.

Я не верю в будущее России. Я не верю в то, что Россия спасет мир. Процесс вырождения на данной географической территории происходит гораздо стремительнее и необратимее, чем где бы то ни было. Вместе взятые и каждый в отдельности мы убиваем русскую культуру. Кто как может.

Революционные преобразования восьмидесятых привели к совершенно обратному результату. Декларация прав человека, свобода слова, вероисповеданий обернулись вседозволенностью, войнами, пустотой. В России наступило время гибели художников. Они перестали служить своей стране. Тех, кто был неподготовлен материально, купили. Кто-то умер духовно. Немногие ушли сами: отравилась выхлопными газами Друнина, застрелился Кондратьев, спускался со сцены в зале собрания, направленного против чеченской войны, не выдержал Левитанский. Остановилось сердце... Наиболее находчивые занялись общественной надочеловечностью.

Остались те, кто больше всех говорил об ужасах тоталитарного строя, брызгал слюной в адрес цензуры, предрекал российской культуре эпоху Ренессанса... Мы любовались их смелостью, рукоплескали стоя... Но очень скоро выяснилось, что им совершенно нечего сказать. Голые девочки, кровавые разборки, герои-одиночки, любовь по-русски, океаны бутылочной крови — вот и все, что так рвалось наружу из закопанных в цепи тоталитаризма душ.

«У России есть будущее, — сказал ведущий. — И это будущее — наша свобода. Вот мы сейчас сидим в студии, говорим о чем угод-

Фото Петра КАСИНА

но, обсуждаем президента, ваш фильм. Да и сам факт появления такого фильма на экране можно ли было представить раньше».

Тогда я не сумел ответить, хотя думал об этом неоднократно. Цепь подобных рассуждений и есть губительная философия времени.

Я не хочу обсуждать президента. Мне скучно обсуждать президента. Он мне неинтересен. Мне интереснее все мы, достойные своего президента. И пока каждый из нас не отразится в кривом зеркале мирозерцания — ничего не изменится вокруг.

Да, мы сняли фильм о войне. Да, он показан в эфире. Но стоит ли этот всплеск демократии тысяч жизней, загубленных войной? Может ли оправдать режим смерть всех тех, кто погиб за него? И какое, пусть даже самое великое, произведение эквивалентно человеческим жизням?

Мы снимали фильм и хоронили своих товарищей. Мы снимали фильм и отправляли на Большую землю раненых операторов. И не по заказу Гостелерадио, не на чьи-то деньги, а на свой страх и риск, на свои скудные средства мы сделали этот фильм. Но и потом, в условиях несуществующей цензуры, ни один центральный канал не принял фильм к показу, объясняя это отсутствием интереса к данной теме или нежеланием ссориться с властями-предержащими.

Возможно, это прозвучит выпендрено, но фильм «Прокляты и забыты» снят кровью. Снят для России. Россия его не увидела.

За последние годы мы научились главному: обходить стороной самые болевые точки нашей жизни. Нам неловко, да, собственно, и незачем вспоминать о них — они касаются очень ограниченного круга людей.

Чеченская война снова разделила общество на две части. На тех немногих, кто был, и на подавляющее большинство тех, кто не был. Но для солдат чеченской войны она не перестает быть войной в том же понимании, какой была война для солдат Великой Отечественной. Со всей ее болью и святостью, ужасом и цинизмом.

Чеченская война оказалась всего лишь ручейком на задворках империи, пересохшим от нашего безразличия. Мы допустили эту войну. Мы простили ее президенту, правительству, самим себе. И не только эту. И не только войну.

Мы научились прощать то, чего прощать нельзя. Мы научились не замечать то, чего не замечать нельзя. Мы научились молчать тогда, когда не сказать невозможно. Можно ли после этого уважать самих себя, уважать будущее, которое мы построим?

Во все времена и лихолетья художники несли ответственность за судьбу своего отечества, и нравственный климат общества прежде всего зависел от них. Так было до сегодняшнего дня.

На этих страницах я пытался поговорить с самим собой. Человек, как правило, уверен, что у него всегда найдутся простые и ясные ответы на самые сложные вопросы. Но это заблуждение. Ответы порождают новые вопросы, и несть им числа. Я хотел поговорить об ответственности за день сегодняшний. О дне грядущем. Я надеялся, что у меня получится. Но, к сожалению, жизнь преимущественно состоит из вопросов и почти не состоит из ответов...